

НЕЖИЛЬ

Сборник мистических рассказов

Елена Давыдова

Елена Давыдова

Нежилъ

«Автор»

2026

Давыдова Е.

Нежилъ / Е. Давыдова — «Автор», 2026

Они не прячутся под кроватью. Они не скрипят половицами. И не гремят цепями. Они — здесь, совсем рядом, в промежутке между ударом сердца и тишиной, которая за ним следует. Просто вы не замечаете. Пока не останетесь одни. Этот сборник не о страхе. Страх — ваш. О существах, у которых есть собственные желания, собственная логика и собственное одиночество. О нежилых местах, которые помнят больше, чем хотят помнить. О ритуалах, которые работают не потому, что вы верите, а потому, что кто-то по ту сторону тоже верит. В вас. Двенадцать историй. Двенадцать порогов, через которые переступать необязательно. Но которые переступят сами, если вы задержитесь рядом слишком долго. Зимняя изба и треснувшее зеркало. Голос, который отвечает, когда никто не спрашивает. Здесь чудовища — не декорации. Они думают. Чувствуют. Или учатся чувствовать. Боятся. Иногда сильнее, чем вы. И если повезёт, вы увидите мир их глазами. А если не повезёт — они увидят ваш. Войти можно. Забыть — вряд ли.

© Давыдова Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Давыдова

Нежилъ

Трягин остров

Глава I.

Паромщик дед Митрий не любил возить на тот берег после заката. Глеб Кузьмин узнал об этом, когда уже стоял на прогнутых досках причала, держа в одной руке старый кожаный чемодан, а в другой — телефон с сорока процентами зарядки и нулевым сигналом.

— До Трягина? — переспросил Митрий, точно не расслышал. Ему было лет восемьдесят, не меньше, лицо — как дно высохшего колодца: все в трещинах, и где-то очень глубоко — остатки воды, которую уже не достать. — На ночь глядя до Трягина?

— Да. Я внук Зинаиды Кузьминой. Бабушка умерла, вот... — Глеб неопределенно помахал чемоданом. — Приехал дом принимать.

Митрий посмотрел на него с тем выражением, с каким смотрят на человека, собравшегося в дальний путь без запаса воды.

— Зинаида Парамоновна, — сказал он негромко. — Царство небесное. Хороштива она была, Зинаида-то. Деревню держала.

— Держала?

— Ты, паря, один сюда добирался? — Митрий будто не расслышал вопроса. — Один? Ну, один так один. Моторку даю, сам дойдешь. Только ты вот что... — он наклонился к Глебу, и от него пахнуло дымом, дегтем и чем-то еще, чему Глеб не смог подобрать названия.

— Ты на остров иди по мостику. Мосточек еще с довоенных времен. Зинаида сама бревна клала, подновляла. По кочкам через трясину не ходи. Бывало, люди думали — кратче, а потом... Ну. Найдут, не найдут. Ты по мостику иди. И в деревне не задерживайся. Прямиком к дому Зинаиды. Дом с синими ставнями, сразу узнаешь. Переночуешь, а утром иди куда хочешь.

Глеб хотел спросить, что значит «не задерживайся» в деревне, где, по его сведениям, оставалось от силы пять-шесть дворов. Но Митрий уже отвязал веревку. И маленькая моторка, кашляя сизым дымом, отошла от берега.

Черное озеро разлеглось перед ними, как спящее животное. Не вода. Что-то иное. Густое. Темное. Лишь слегка подернутое рябью. По сторонам — тростник, высокий, в человеческий рост. И он не шуршал, не качался, хотя ветер был. Тростник стоял неподвижно, будто нарисованный.

— Давно ты у бабушки не был? — спросил Митрий, не оборачиваясь.

— Лет двадцать. Может, больше.

— Вот. А она тебя звала. Каждый год звала. Ты не приезжал. А она звала. И каждый раз одно и то же говорила: «Должна я ему отдать. Должна, а он не едет».

— Что отдать?

Митрий не ответил. Моторка тарахтела. Вода бурлила за кормой. Они обогнули заросший камышом мыс. И Глеб увидел то, что искал: остров. Он не был большим. От одного края до другого, пожалуй, метров триста. Но почти весь порос деревьями. Сосны стояли по его краю, как стража, черные и прямые. А за ними — крыши. Две, три, четыре...

Глеб насчитал шесть или семь. Некоторые провалились внутрь, другие еще держались. И один дом — самый крайний, у воды — с отчетливо синими ставнями, темнеющими в сумерках, но все еще заметными.

— Синий, — сказал Глеб.

— Вот он, Зинин дом. Бери-ка фонарь. — Митрий сунул ему в руку тяжелый, в металл обшитый фонарь, какой Глеб видал только в музеях. — Масляный. Не электрический. Зинаида не признавала электричества на острове. Говорила — проводка не держит. Может, и так. Ты зажги, когда стемнеет. И еще... — Митрий помедлил. — Ты, если что слышишь ночью, — не вставай. Лежи и жди утра. Она тебе ничего не сделает, Зинаида. Она тебя звала. Но другие...

— Какие другие?

— Мосток вон, видишь? Сплетенные доски по кочкам. Иди.

Глеб сошел на берег. Ноги утонули в мягком мху, который подавился и выпустил воду. Не как обычный мох, а как губка с чем-то более густым. Моторка сразу отошла, и Митрий даже не обернулся. Лишь махнул рукой. То ли на прощание, то ли отгоняя что-то.

Мосток оказался именно таким, как Митрий описал. Доски, положенные на торфяные кочки, а между ними черная вода, и не видно дна. Глеб шел, держа фонарь перед собой. Хотя зажигать его пока не требовалось. Сумерки еще давали свет. И чувствовал, как под досками что-то подрагивает. То ли вода пульсирует, то ли земля дышит. Он старался не думать об этом.

Глава II.

Дом бабушки был старый, рубленый, из темных бревен. Таких сейчас уже не ставят. Срублен так плотно, что мох между венками казался вросшим в дерево, — не прокладка, а часть стены. Крыша под дранкой, кое-где почерневшей, кое-где покрытой мхом. Синие ставни на трех окнах. А четвертое заколочено изнутри. И только через щель виднелось что-то белое. Ткань, что ли.

Дверь была не заперта. Глеб шагнул в сени. И остановился...

Пахло так, как пахнет в домах, где долго никто не жил. Пыль. Застоявшийся воздух. Сухие травы. Но не смертью. Не болезнью. Бабушка, по словам соседки из райцентра, умерла в больнице. Не здесь. Здесь просто ждали.

Он зажег фонарь. И комната ожила. Две кровати, застеленные лоскутными одеялами. Печь, огромная, беленая, с лежанкой. Полки с книгами. Не обычные деревенские книги, а настоящие: толстые, в кожаных переплетах, некоторые с золотым тиснением. Иконы в углу старые, почерневшие. Но Глеб увидел, что перед ними не было пыли. Кто-то вытирал. Или что-то.

На столе, под чистой белой скатертью, лежало что-то плоское. Глеб поднял край и увидел ключ. Старинный, кованый, длинный, с замысловатым навершием. Рядом лежала записка, написанная бабушкиным почерком, аккуратным, учительским. Она когда-то учительствовала в школе, еще до войны.

«Глебушка. Дождалась. Ключ от подвала. Подвал не открывай до четверга. В четверг откроешь. Возьмешь то, что там лежит для тебя. Отдашь на болоте. Не мне. Не людям. Тому, кто ждет. Ты поймешь. Если не поймешь — книга на полке, синяя, без надписи. Читай с третьей страницы. Целую. Бабушка».

Глеб перечитал дважды. Четверг. Сегодня какой день? Он сбился со счета. Поезд. Автобус. Попутка. Паром... В поезд он сел в субботу. Двое суток в дороге. Значит, сегодня понедельник. До четверга еще три дня.

Он положил записку и ключ обратно, накрыл скатертью. Потом обошел дом. Дрова в сених были сухие, нарубленные. Кто рубил, если деревня вымерла? Мука, соль, крупа в жестяных коробках. Керосин в лампе. Печь исправная. Глеб затопил. И дом начал нагреваться, трещать, и отдавать таким теплом, что он понял: дом не нежилой. Дом — ждущий. Ждал его.

Книги он стал разглядывать позже. Частьобычные: Пушкин, Тургенев, школьные учебники, бабушкины, видно. Но на верхней полке другое: рукописи. Тетради в линейку, исписанные тем же аккуратным почерком. И одна книга — синяя, без надписи, потертая на корешке. Глеб взял ее, открыл на третьей странице — и прочитал:

«Остров Трягин назван так не от слова «трясти», как думают. А от слова «тряг» — тяжесть. В старину говорили: на острове тряг, тяжесть лежит. Это значит место, где навь ближайшая. Навь — не ад и не чистилище, а то, что рядом, за тонкой стенкой. И в некоторых местах стенка тоньше. Здесь — тонкая. Здесь можно говорить с теми, кто за стенкой. Но говорить, не значит договориться».

Глеб закрыл книгу. Пальцы дрожали. Но не от страха. От усталости. Три дня в дороге. Он лег на кровать, не раздеваясь, положил ключ под подушку. И провалился в сон.

Глава III.

Проснулся он от звука. Не крика. Не стука. Как будто кто-то очень осторожно водит пальцем по стеклу. Скрип-скрип-скрип. Пауза. Скрип-скрип.

Глеб открыл глаза. Было темно. Фонарь погас. За окном, что было не заколочено виднелось небо. И в нем стояла луна, почти полная, желтоватая. И в этом свете Глеб увидел лицо.

Не человеческое. Не звериное. Что-то между. Бледное. Вытянутое. С глазами, которые не отражали лунный свет. А поглощали его. Губы — тонкая линия. И они шевелились. Но слов было не слышно. Только скрип пальцев по стеклу. Скрип-скрип-скрип.

Глеб не двинулся. Митрий сказал: «Не вставай». Он не встал. Лежал и смотрел. А сердце билось так, что казалось его стук слышен на весь остров.

Лицо было за окном недолго. Может, минуту. Может, меньше. Потом оно отплыло назад. И Глеб увидел, что это не лицо, а маска. Маска на чем-то, что было за ней. И это «что-то» он разглядеть не успел. Только ощущение. Мокрое. Темное. Большое.

За окном снова была ночь. Тростник. Сосны. Луна. Ничего.

Глеб лежал до рассвета. Не спал. Думал. Вспоминал.

Вспомнил, как бабушка привозила его сюда летним. Ему было лет семь. Как она водила его по острову, показывала деревья, называла их по именам: «Вот сосна — Анисья, она старше меня. Вот ель — Федор, он глухой, не разговаривает».

Как она мыла его в бане и пела песни. Не обычные, а странные. Без слов. С одним звуком, который тянулся и тянулся, как нитка из пряжи.

Как однажды, у болота, она остановилась и сказала: «Глебушка, ты видишь?». А он посмотрел и увидел... над болотом, в тумане, свет. Не фосфорный, не электрический. А мягкий, как от свечи. Только свеча не могла гореть в тумане. И бабушка сказала: «Это они. Не бойся, но и не зови. Никогда не зови. Если ты их позовешь, они придут. И ты уже не отпустишь».

Он заснул только под утро. Но прежде чем сон сморил его, он успел разозлиться. Не на лицо в окне — на бабушку. На ее записку с ее «ты поймешь». Ничего он не понял. Ключ от подвала, синяя книга, «тому, кто ждет» — это не объяснение, это загадка для пятиклассника. Бабушка была учительницей. Она умела объяснять. Если хотела. Значит, не хотела. Или не могла. Или считала, что он сам дойдет — а это было высокомерие, которого он от нее не ждал.

Он лежал и строил объяснения, как строил их на работе, когда оборудование глючило без видимой причины. Лицо в окне — игра света на мутном стекле. Скрип — ветка, трущаяся о наличник. Болотный газ, метан, галлюцинации. Бабушка жила одна на острове сорок лет — естественно, у нее появились свои ритуалы. Свои «они». Свой теплый камень. Это не мистика. Это одиночество, которое со временем обрастает мхом, как крыша.

Он почти убедил себя. Почти. Но одно не объяснялось. Лицо не испугало его. Страх был, но — не тот. Не страх перед неизвестным, а страх перед знакомым. Как будто он уже когда-то видел это лицо и забыл. И это «когда-то» тянуло за собой что-то еще. Теплое. Мокрое. С запахом меда.

Тогда он перестал думать и провалился в сон.

А когда проснулся, было светло. Пели птицы. И все казалось невозможным. Дом был теплый, печь дышала жаром. За окном — обычный осенний день. Серый, тихий, с туманом над болотом, но — обычный.

Мужчина вышел на крыльцо. Деревня лежала перед ним: шесть домов, считая бабушкин. Три — целые, хоть и старые. Два — с провалившимися крышами. Один — совсем разваленный. От него остался только остов. Дорога. Тропинка заросла травой по колено. На одном из домов Глеб заметил закрытые ставни. И на них что-то написано или нарисовано. Круги,

линии, что-то похожее на старинные знаки. Он подошел ближе. Но знаки были стерты, едва различимы.

— Не тронь.

Глеб обернулся. У соседнего дома, на завалинке, сидела старуха. Маленькая, в черном платке. С таким сморщенным лицом, что ничерта почти не видно. Глеб не слышал, чтобы она подошла. Не слышал, чтобы скрипнула дверь. Она просто была. Как будто всегда здесь сидела.

— Ты Зинаидин внук, — сказала она. Не спросила — сказала.

— Да. Глеб.

— Знаю. Она звала. Я — Степанида. Живу вон там. — Она кивнула на дом с закрытыми ставнями. — Зинаида мне говорила: «Если Глебушка придет, скажи ему, чтобы ждал четверга. И еще скажи: чтобы не ходил к камню».

— К какому камню?

— На болоте есть камень. Большой, серый, сам в трясину ушел. Только верхушка торчит. Зинаида туда ходила. Каждую осень. И каждый раз — с чем-то, и без чего-то возвращалась. Я не спрашивала. Не мое. Но тебе — не ходи. Жди четверга. Сделай, что Зинаида писала, и уезжай. Тебе тут жить нельзя, Глеб. Ты — не Зинаида. Она тут сорок лет стояла, а ты — городское молоко. Ты не выдержишь.

— Что выдерживала бабушка?

Степанида посмотрела на него. И он отчетливо увидел, что глаза у нее не старушечьи. Ясные, светлые, как у ребенка. И в них что-то, чему он не мог дать названия. Не страх. Не знание. Что-то другое.

— Она держала, — сказала Степанида. — Держала стенку.

Глава IV.

Глеб провел день, обживаясь. И это было странно похоже на обычную дачу. Наколлот дров: топор нашелся острый, хорошо насаженный. Кто-то готовил. Сходил к колодцу: тридцать шагов от дома, чистая, холодная вода. Сварил пшеничную кашу. Достал из кадки соленые грибы — крепкие, не перекишенные, будто кадку засолили вчера. Заварил чай из трав с крючка у печи: зверобой, чабрец, иван-чай и еще что-то, чего он не знал названия.

Все было приготовлено. Все ждало. И от этого «ждало» было неудобно, как в гостях у человека, который давно тебя ждет, но не говорит зачем.

Степанида больше не появлялась. Он два раза подходил к ее дому, стучал — тишина. Может, ушла куда-нибудь. Может, спит. Старухе, наверное, лет девяносто, если не больше.

Днем он опять разглядывал книги. Синяя, без надписи, оказалась рукописью. Ее кто-то переписал вручную аккуратным, почти печатным почерком в тетрадь, которую затем сшил сам. Ни имени автора, ни года не указано. Текст представляет собой смешение разнородных записей: фольклорных наблюдений, описаний обрядов, заговоров. Не «магических», а скорее этнографических. О том, как ставили хлеб в печь, как встречали первый гром, как провожали покойных. А между ними встречаются и личные примечания. Видно, что кто-то жил на острове, наблюдал и вел записи. И местами попадаются имена: «З. сказала», «З. показала», «З. умеет».

З. — Зинаида. Бабушка.

Глеб читал. И у него по спине шел холод не от страха, а от узнавания. Бабушка, которую он помнил, добрая, тихая, с пирогами и песнями, оказалась кем-то еще. Кем-то, о чем он не знал. Кем-то, кто ходил к камню на болоте, кто «держал стенку», кто разговаривал с теми, кто за ней.

В одной из записей он нашел следующее:

«Остров Трягин — место древнее. До крещения тут было капище. Не языческое в простом смысле, а место, где люди приходили говорить с навью. Не молиться. Говорить. Здесь, на границе трясины, стенка между мирами тонкая. Местные знают это и умеют этим пользоваться. Приходят спрашивать у умерших где ключ, что с деньгами, как ребенка лечить. Навь отвечает знаками. Но есть правило. За каждый ответ нужно дать что-то взамен. Еду, вещь, кровь животного, не человека. Это важно! Если дать нечего, навь возьмет сама. Возьмет сон, здоровье, память. А если задолжать надолго. Возьмет жизнь.

З. говорит: ее бабка, Пелагея, умела договариваться. Держала счет. Дала — получила. Получила — дала. Так и жили. Но в тридцать третьем году, когда был голод, пришли на остров люди. Много. С материка. Просили у нави хлеба, здоровья детям, спасения. Навь дала. А взамен взяла тринадцать душ. Утром нашли в трясине. Не утонули — задохнулись. На суше задохнулись, в трясины уже потом легли.

После этого Пелагея закрыла остров. Поставила знак на камнях — круг с крестом, старый, дохристианский. Но отчего-то навь его слушается. И договорилась. Никто не приходит на болото без дара. Никто не спрашивает без разрешения. А кто нарушит — того она сама выдаст нави. Жестоко, но иначе нельзя. З. говорит: если не держать — навь разойдется, и тогда не остров, а вся округа станет трягом».

Глеб отложил книгу. Руки не дрожали. Дрожало что-то внутри. Не страх, а понимание. Бабушка не просто жила на острове. Она была — хранительница. Последняя в цепи, которая шла от Пелагеи, а может, и дальше, в века. И теперь, когда бабушка умерла, стена осталась без держащего.

Во вторник он обошел весь остров. Это заняло час. Остров был невелик. С одной стороны — черное озеро. С трех других — болото. Не открытое, а лесное: березы, местами сосны,

мох, кочки, и между ними — вода. Черная, стоячая, с пленкой и пузырями. Кое-где виднелись ягоды: клюква, красная, крупная. Глеб сорвал одну и бросил. Что-то не дало ему ее съесть.

Камень он нашел на западной стороне, где болото подступало к острову вплотную. Камень был большой, с полстола, серый, гранитный. И правда — ушел в трясину, только верхушка торчала. На верхушке, стертый почти в гладь знак. Круг с крестом. Глеб провел пальцем и отдернул руку. Камень был теплый. Солнца не было. Теплый сам по себе, как тело.

Он вспомнил: Степанида сказала — не ходить. Мужчина походил вокруг, потрогал, увидел знак и ушел. Ничего не случилось. Но когда отошел шагов на двадцать, он обернулся. И увидел у камня кого-то. Не человека — тень. Темную, плотную, выше травы. Она стояла у камня и, кажется, смотрела ему вслед.

Глеб не побежал. Идти быстро, значит показать, что боишься. Бабушка так говорила? Или он сам придумал? Он шел ровно, считая шаги. И только у самого дома побежал.

Глава V.

Во вторник вечером он снова увидел лицо в окне. Другое. Не то, что в ночь приезда. Лицо в окне... Женское. Постаревшее. Пугающе знакомое. Глеб замер, вглядываясь в черты. Лицо ответило тем же. Губы шевельнулись. На этот раз он услышал тонкий, протяжный звук, похожий на завывание ветра в пустой трубе. Смысл просочился в сознание помимо воли. Это был не зов — предупреждение.

«Не туда пошел. К камню ходил. Не надо было».

Глеб осознал это кожей. Так отдергивают руку от раскаленного железа. Без раздумий. На чистом рефлексе. Он вдруг понял: лицо за стеклом не враждебно. Оно принадлежит тем, кто обитает за гранью, но не жаждет крови. Оно помнит Пелагею, помнит Зинаиду, помнит древний договор.

В среду он весь день не выпускал из рук синюю книгу. Наконец наткнулся на запись, относящуюся, судя по всему, к бабушкиным временам:

— З. приняла от бабки в семнадцать лет, — прошептал Глеб, водя пальцем по пожелтевшей бумаге. — Пелагея умирала не от болезни — от старости, просто уходила. Сказала: «Зина, теперь твоя очередь. Вот ключ от подвала. В подвале — дар. Каждую осень, перед первым снегом, носи его к камню. Положишь и уходишь. Не оборачивайся. Камень заберет. Услышишь, как булькнет. Если тишина — дело плохо. Навь не приняла. Тогда несешь снова. И так, пока не примет.

З. спросила, не поднимая глаз:

— А если не могу? Если не хочу?

Пелагея ответила не сразу, глядя в пустоту:

— Тогда стена рухнет. Не сразу. Постепенно. Сначала по одному, потом по двое, а следом — все. Они придут. Не сюда. На материк. К людям.

З. молчала. Пелагея подалась вперед, вглядываясь в ее лицо:

— Ты уже приняла. Отказаться нельзя. Можно только передать. Когда придет время, отдашь тому, кто встанет после тебя.

— А если некому? — голос З. дрогнул.

Пелагея выложила на стол маленький железный предмет:

— Тогда ты — последняя. Закроешь камень, положишь на него вот это и скажешь: «Держите сами». А потом уйдешь. Не оборачиваясь. Обернешься — они решат, что ты передумала. А передумать нельзя.

Глеб захлопнул книгу. Ключ под скатертью охлаждал пальцы. Четверг — завтра.

Он спустился в подвал. Каменная лестница в шесть ступеней вела в сухую тишину. На полке лежали три предмета: тяжелый мешочек, толстая восковая свеча и та самая железка. Не крестик. Не гвоздь. Старинный ключ, меньше обычного, с неразборчивым клеймом. На стене, прямо над полкой, чернел нарисованный углем круг с крестом. Точь-в-точь как на камне.

Глеб поднял находки наверх. Развязал мешочек. Внутри звякнули монеты. Старая медь, дореволюционные копейки и полушки с двуглавым орлом. Он насчитал двенадцать штук. Двенадцать монет, свеча и железка. Тринадцать предметов? Или двенадцать монет — это одно, а свеча и ключ — другое? Он не знал.

Он чиркнул спичкой. Свеча занялась ровным пламенем. Без копоти, наполняя комнату густым запахом меда и чем-то дурманящим, от чего веки сразу стали тяжелыми. Глеб задул огонь.

Глава VI.

В ночь на четверг сон не шел. Глеб сидел за столом, уставившись на разложенные перед ним предметы: монеты, огарок свечи, ржавую железку, синюю книгу и бабушкину записку. Фонарь чадил, выхватывая из темноты лишь край столешницы. За окном царила пустота. Ни лиц. Ни теней. Только давящая тишина, в которой отчетливо отдавался каждый удар собственного сердца.

В третьем часу раздались шаги. Не снаружи. Внутри дома. Тяжелые. Неспешные. Они доносились из сеней, проступая сквозь половицы.

Глеб замер. Митрий строго наказал не вставать. Но Митрий говорил о дворе. А шаги уже были здесь. В комнате.

Дверь из сеней скрипнула. На пороге стояла бабушка.

Она не светилась, не дрожала призрачным маревом. Просто стояла. Живая. В привычном синем платке и кофте с костяными пуговицами, какие носили в деревне. Только Глеб знал. Она мертва. Она знала, что он знает. Между ними пролегла стена, тонкая и острая, как лезвие.

— Глебушка, — позвала она. Голос теплый, низкий, с той самой знакомой хрипотцой, окутал комнату. Она сделала шаг вперед. Половица под ней привычно вздохнула. — Ты пришел. Хорошо.

— Бабушка... — Глеб сжал кулаки, впинаясь ногтями в ладони.

— Не бойся. Я не сама пришла. Меня отпустили на минутку. Объяснить то, что не успела при жизни.

— Что объяснить?

Она подошла ближе, опираясь рукой о край стола. Пальцы, сухие и прохладные, на мгновение коснулись его плеча.

— Завтра пойдешь к камню. Положишь монеты. Все двенадцать. И свечу. Скажешь: «Принимаю от Зинаиды. Отдаю вам». Камень булькнет, значит, приняли. Тогда положишь железку. Отдельно. На самый верх. Скажешь: «Последний дар. После меня — некому. Держите сами». И уйдешь. Не оборачиваясь.

— А если обернусь? — Глеб поднял на нее взгляд.

— Не оборачивайся, — отрезала она. И в ее глазах на миг мелькнула тень былой строгости.

— Бабушка, почему последний? Почему некому? Я же могу остаться... как ты.

Она покачала головой, поправляя платок.

— Не можешь. Я не успела тебя научить. Ты вырос в городе, не знаешь слов, не знаешь обрядов. Я пыталась. Помнишь, летом, песни, знаки? — но ты был мал. А мать увезла тебя. Ты не умеешь держать стену. Если останешься. Она рухнет через тебя. Ты не барьер. Ты — дыра.

Глеб опустил голову. Правда жгла, как раскаленный уголь.

— Но как же они? — он кивнул в сторону окна, туда, где в темноте угадывались болото, камень и навь.

— Камень примет дар. Это договор, старше Пелагеи, старше острова. Если хранитель уходит, а смены нет — камень закрывают. Железка — ключ. Она замыкает стену, делает ее непроницаемой. Навь останется за ней, но замолчит. Тишина с обеих сторон.

— Навсегда?

— Пока не придет новый хранитель. Может, через сто лет. Может, через двести. Может, никогда. Это не наше дело. Наше — закрыть правильно.

Она помолчала, глядя в окно, на непроглядную темень.

— Глебушка, сделай завтра все как надо...и уезжай. Здесь тебе не жить. Здесь тряс, тяжесть. Я сорок лет ее несла. Мне было дано. Тебе — нет. Не вини себя. Это не твоя стена.

— А ты? — тихо спросил он. — Ты... где?

— Я здесь, — сказала она. — Пока. Жду, когда закроешь. После — уйду. Они меня отпустят, когда стена замкнется. Это часть договора. Последний хранитель отдает свой долг и уходит. Чисто.

Она улыбнулась той самой улыбкой, которую он помнил с детства. Теплой. Морщинистой. С ямочкой на щеке. Потом повернулась и пошла в сени. Глеб слышал шаги — до двери. Потом — тишина. Он не вставал. Не звал. Сидел и смотрел на монеты, на свечу, на железку. И думал.

Глава VII.

Утром четверга он вышел из дома до рассвета. В кармане — монеты и свеча. Железка на шнурке, на шее. Бабушка сказала — «отдельно, на самый верх». И он хотел, чтобы она была под рукой, но не в кармане с остальным. Фонарь не зажигал. Хватало предрассветного света. Серого. Водянистого.

Тропинка к камню продиралась сквозь заросли: малинник, крапива по пояс, дальше — мох и кочки. Глеб ступал осторожно, выверяя каждый шаг. Под ногами пугающая мягкость. Земля пружинила, как вата. В паре мест тропа вплотную подходила к трясине, откуда тянуло тяжелым, приторным запахом переспелых яблок. К горлу подкатывала тошнота.

У камня он замер. Рассвет уже занимался. Небо на востоке посерело, наливаясь розовым. Камень хранил тепло, как и в прошлый раз. Знак на верхушке, круг с крестом, проступал отчетливо, словно его только что обновили.

Вокруг ни души. И все же Глеб чувствовал: он не один. В тростнике, в тумане, в самой трясине затаились многие. Они смотрели. Ждали.

Он выложил монеты. Двенадцать медных кругляшей легли вокруг знака. В центр, прямо на крест, он поставил свечу. Достал спички (зажигалку он не взял), а эти нашел в бабушкином доме, в жестяной коробке на полке.

Чиркнул спичкой, поднес к фитилю. Пламя занялось ровно, без дрожи. Потянуло медом и тем самым дурманящим запахом, от которого клонило в сон. Глеб сжал кулаки, прогоняя оцепенение, и произнес, глядя в пустоту:

— Принимаю от Зинаиды. Отдаю вам. — Он выдохнул, не сводя глаз с огня.

Тишина затянулась. Минута... Пять... Время растянулось.

Глеб стоял, вцепившись пальцами в края куртки. Свеча горела. Монеты не шевелились. Туман над трясинной застыл.

Вдруг — бульк.

Глухой звук донесся из-под камня. Словно камень — живая пасть, проглотившая добычу. Пламя свечи дернулось и выровнялось. Глеб взглянул на монеты. Они изменились: потемнели, покрылись налетом, рельеф стерся. Приняли.

Глеб сорвал с шеи железку и положил на вершину камня. Она легла на знак. Камень подался под ней, обволакивая металл, как вода — брошенный предмет.

— Последний дар, — сказал Глеб, удивляясь ровности собственного голоса. Он поправил воротник, глядя на камень. — После меня некому. Держите сами.

Он развернулся и пошел прочь.

Не оборачивался. Каждый шаг давался с трудом: мох, кочка, корень, тропа.

На третьем шаге — голос.

Не сзади — в голове. Бабушкин. Живой, теплый, с хрипотцой: «Глебушка, обернись. Я забыла сказать. Обернись на минутку».

Он остановился. Ноги не шли. Не потому, что испугался. Потому что хотел. Голос был такой настоящий. Такой бабушкин, что тело уже начало поворачиваться. Шея дернулась влево. Плечо.

Он сжал зубы и сделал еще шаг. Потом еще. Голос не отставал: «Глебушка, я тут. Я никуда не ушла. Обернись — увидишь».

Глеб запел. Тихо. Сквозь зубы. Не мелодию. Звук. Тот самый, который бабушка пела в бане. Без слов. Одна нота, тянущаяся, как нитка. Он не знал, зачем запел. Ело помнило то, что ум забыл. Голос бабушки отступил. Не исчез. Отдалился, как отголосок. Как эхо в длинном коридоре.

Малинник. Крапива. Двор. Крыльцо.

За спиной раздался звук. Не голос. Выдох. Тяжелый. Протяжный стон смыкающейся стены. Воздух сгустился, как перед грозой, но это было иное. Чужое. Каменное.

Глеб вошел в дом, задвинул засов и осел на пол у печи. Глеб вошел в дом, задвинул засов и осел на пол у печи. Печь еще хранила тепло. Дом остался прежним, но в нем стало иначе. Тише. Из мира исчез не звук, а невидимый слой, который никто не замечал, пока он был. Теперь его не стало, и на его месте осталась гулкая, звенящая пустота.

Стена закрылась.

Глава VIII.

Степанида пришла к обеду. Просто постучала. Обычный стук, живой. Глеб открыл. И она вошла, как входят соседи. Без приглашения. Но с правом.

— Сделал? — спросила она.

— Сделал.

— Булькнуло?

— Булькнуло.

Степанида кивнула. Села за стол. Достала из-за пазухи сверток — хлеб, сало, лук. Положила перед Глебом.

— Ешь. Тебе ехать надо. Сегодня.

— Митрий сказал — утром.

— Митрий не знает. Митрий с того берега. Я с этого. Я тебе говорю: сегодня. После того, как стену закрыл, острову больше нечего тебе дать. А тебе — нечего дать ему. Все, что должен, отдал. Бабушку отпустил?

— Не знаю, — честно сказал Глеб.

— Отпустил. Она ушла. Я чувствую, ушла. До этого была. Как теплое пятно на стене. А теперь, стена холодная. Ровная. Правильно закрыл.

Она помолчала. Потом:

— Я тоже уезжаю. Не сегодня, завтра. Здесь нельзя оставаться. Без стены — можно, а со стеной закрытой — нельзя. Стена, она с двух сторон давит. Раньше навь давила, а я с этой стороны жила. А теперь, стена глухая, и с обеих сторон одинаково. Мертво. Тут и жить незачем.

— А деревня?

— Какая деревня, Глеб. Тут уже сорок лет я одна и Зинаида. Ты думал шесть дворов? Два. Зинаидин и мой. Остальные давно пустые. Крыши провалились при Зинаидиной жизни. А люди... Люди ушли еще при Пелагее. После тридцать третьего года. Кто уехал, кто — в трясину. Остались только мы. Зинаида — держала, я — смотрела. Сторожила, чтобы никто не пришел без спроса. А теперь нечего сторожить. Стена закрыта.

— А зачем тебе? — спросил Глеб. — Зачем было сторожить сорок лет?

Степанида помолчала. Потом добавила:

— У меня тут муж похоронен. Васька. Не на кладбище. Кладбище в двадцатом году в трясину ушло. Здесь, за домом. Васька в тридцать третьем на камень пошел. Без спросу. Зинаида еще не приняла от Пелагеи. Пелагея уже лежала при смерти. Камень был открыт. Васька пошел спросить, где зерно спрятано, чтобы дети не померли с голоду. Навь ответила. А Васька не вернулся.

Она не плакала. Говорила ровно, как о давнем, вросшем в кости.

— Зинаида пришла, приняла от Пелагеи. И первым делом Ваську нашла. Не живого. Тело. Вытащила из трясины. Я похоронила. После этого Зинаида и сказала: «Степа, ты с этой стороны. Если кто придет, гони. Если не гонится, зови меня. Никто не должен к камню без дара. Васька — пример».

— И вы... просто жили тут вдвоем?

— Жили. Она — у камня, я — у дороги. Она — стена, я — ворота. Сорок лет. Ни разу не поссорились. А ссориться-то не из-за чего. Дело одно, жизнь одна. Она несла дар, я сторожила проход. Как две стрелки на часах, только — не часы, а годы.

Глеб ел хлеб с салом и думал: вся его жизнь — в городе, с работой, с семьей, с квартирой в ипотеке, была как длинный сон. Легкий и не вполне настоящий. А эти четыре дня, три ночи на острове были настоящими. Бабушкино лицо в окне. Шаги в сенях. Камень, теплый, как тело. Бульк. И... тишина, которой он никогда не слышал.

— Я приеду, — сказал он.

— Не надо, — сказала Степанида. — Не надо приезжать. Здесь закрыто. Ты закрыл — и закрыл. Приедешь — откроешь. Не хочешь открывать — не приезжай. Помни. И все. Помни, что бабушка сорок лет стену держала. Что ты закрыл правильно. Что она ушла чисто. Этого довольно.

Она встала, одернула кофту. У двери обернулась:

— А книгу — синюю — возьми. Зинаида для тебя писала. Не всю. Часть ее, часть — Пелагеи, часть — еще раньше. Но тебе. Чтобы помнил. Чтобы, если когда-нибудь понадобится, знал, где читать. Не сейчас. Потом. Может, через год. Может, через тридцать. Может, никогда.

Глава IX.

Митрий пришел на моторке в три часа дня. Серое небо. Туман. Тихая вода. Глеб стоял на причале с чемоданом и синей книгой.

— Дела сделал? — спросил Митрий.

— Сделал.

— Ну и ладно. Поехали.

Моторка тарахтела. Остров уходил. Глеб смотрел и видел: сосны на краю, синие ставни, крыша, и за крышей — деревья. За деревьями болото. В болоте — камень. Он не видел камня, далеко. Но знал, где он. Теплый камень с железкой на верхушке. И под ним — закрытая стена.

— Митрий, — спросил Глеб, — ты знал?

— Знал что?

— Все. Про бабушку. Про стену. Про камень.

Митрий молчал, пока мотор не закашлял и не выровнялся. Потом:

— Я — паромщик. Я на границе. Мне положено знать. Зинаида мне платила. Не деньгами, а тем, что я тут живу. Что у меня есть берег, и вода, и лодка. Она — держала, я — возил. Мне не нужно было знать больше. Я и не спрашивал.

— А теперь?

— А теперь — она закрыла. Через тебя. Но я останусь. Паром, он паром и есть. Будет кому — перевезу.

Глеб достал телефон. Сигнала не было.

— Митрий, а что было в тридцать третьем году? Бабушкина книга пишет — тринадцать человек в трясине.

Митрий не ответил. Лишь посмотрел на Глеба и в его взгляде было то, чего Глеб не хотел видеть. Признание. Как у человека, который давно знает и давно не говорит. И от этого молчания устал.

— Тринадцать, — сказал Митрий. — И еще — двоих не нашли. Пятнадцать. Твой прадед, Иван Кузьмин, был среди тех, кого не нашли.

Глеб молчал. Прадед. Дед бабушки. Он не знал его. Естественно, не знал. Тридцать третий год, это было... Но имя, Иван Кузьмин, он слышал. Бабушка упоминала. Когда-то, давно, летом: «Дедушка Иван на болото ходил, не вернулся». Просто сказала, как говорят о дожде, о погоде. Без выражения.

Моторка ткнулась в берег. Глеб сошел. Митрий остался в лодке, не выходя.

— Ты, паря, — сказал он, — если что — не звони. Сюда не звонят. Если надо, приедешь. Сам. А не надо. Забудь. Так — лучше.

И уехал.

Глава X.

В поезде Глеб открыл синюю книгу на последней странице. Там, после всех записей, после обрядов и заговоров, после описания камня и стены, был текст, написанный бабушкиным почерком. Свежими чернилами, не выцветшими. Недавно.

«Глебушка.

Если ты читаешь это, значит, я ушла. А ты — здесь. Или ты уехал и читаешь дома. Все равно. Я пишу тебе.

Ты не знаешь, но я знала. С пяти лет знала, когда бабка Пелагея взяла меня за руку и повела к камню. Я помню — трясина, мох, камень теплый. И туман. В тумане лица. Не страшные, нет. Другие. Как мы, только — не мы. Они смотрели. И бабка сказала: «Вот, Зина. Это — наши. Они — за стеной. Мы — перед стеной. Ты будешь — между. Тебе — страшно, а ты — не бойся. Страх — это стена чувствует. Она живая, стена-то. Если ты боишься, она тоньше становится. Если не боишься — толще. Ты не бойся».

Я не боялась. С пяти лет не боялась. Потому что бабка не боялась. И я видела: если она не боится, значит, нечего. Это не смелость, Глебушка. Это доверие. Я доверяла бабке, а потом доверяла стене. Стена не враг. Она граница. Как дверь. Не добро и не зло. Просто — между.

Сорок лет я ходила к камню. Каждую осень. Несла дар: монеты, свечу, иногда хлеб, иногда молоко. Камень брал, булькал, и я уходила. Иногда разговаривала. Не с ними. С собой. Говорила вслух, и слышала в ответ не слова, а присутствие. Они там. Они слышат. Ждут. Но не жадно. Не требовательно. Они просто ждут, как ждут гости, которым обещали чай. Они знают, хозяйка придет. Хозяйка даст. Они и уйдут.

Но, Глебушка, я старая. И последняя. Ты не можешь. Не потому, что не хочешь. Потому, что не умеешь. Я не смогла тебя научить. Это моя вина, и не моя. Твоя мать не дала. Забрала тебя в город. А я не настояла. Может, надо было настоять.

Помнишь, тебе было девять, ты приехал на все лето. Я стала тебя учить — потихоньку, как бабка меня учила. Повела к камню. Ты подошел, потрогал, и сказал: «Баб, он теплый, как печка». Я обрадовалась — чувствует, думаю. А потом ты спросил: «А зачем он тут стоит? Можно его убрать?» — и я поняла: нет. Ты чувствуешь камень, но не чувствуешь зачем. Зачем — это не от камня, это от жизни. А жизнь твоя — в городе, в школе, потом в институте. Я не могла забрать тебя у матери. Она бы не поняла. Она и так считала меня странной.

Я могла бы украсть тебя. На лето. На каждое лето. Но красть, не учить. А учить надо каждый день, как огонь в печи: не разожжешь и забудешь — потухнет. Я не могла каждый день. Я могла только лето. А лета не хватало.

Может, если бы настояла, ты бы сейчас стоял у камня. И стена держалась бы. Но не настояла. И вот, как есть.

Ты закроешь стену. Это правильно. Это не поражение. Это конец. Конец, не всегда плохо. Был договор. Был хранитель. Была стена. Не будет ее. Мир не рухнет. Они останутся за стеной. Мы останемся перед. Только тишина. Они не смогут говорить. Мы не сможем слушать. Может, это и к лучшему. Может, нет. Я не знаю. Я хранитель, а не пророк.

Я люблю тебя, Глебушка. Ты мой внук. Ты приехал и сделал. Этого довольно. Этого больше, чем довольно.

Бабушка Зинаида. Трягин остров. Октябрь».

Глеб закрыл книгу. За окном поезда мелькали поля, леса, провода. Обычная Россия. Обычный мир, в котором есть стена. Тонкая. Глухая. Замкнутая железкой на теплом камне в трясине. И по эту сторону — люди, и по ту — другие. И между — тишина.

Он не забыл. Он помнил. Камень. Монеты. Свечу. Бабушкино лицо в окне. Теплое. Живое. С ямочкой на щеке. Бульк. Стон стены, которая смыкается.

И иногда, ночью, в городе, в квартире, где было тепло и сухо и никогда не пахло медом и трясиной, он открывал синюю книгу и читал. Не с третьей страницы. С любой. И каждый раз находил что-то новое. Обряд. Запись. Слово. Как будто книга, не книга. А стена, только с его стороны. Тонкая. И если читать долго, внимательно, тихо, можно услышать.

Тишину.

И в тишине. Присутствие.

Глава XI.

Прошел год. Глеб жил в Москве. Работал инженером — спокойно, без событий. Синяя книга лежала на полке, между Тургеневым и каким-то справочником. Он не открывал ее месяца три. Жизнь накрыла.

В ноябре, когда выпал первый снег, он сидел на кухне, пил чай — и слышал. Не звук — ощущение. Как будто кто-то очень далеко, из-за стены, позвал. Не голосом, не словом — теплом. Как бабушка звала летом: «Глебушка, иди чай пить».

Он встал, достал книгу. Из нее выпал лист — маленький, пожелтевший, сложенный вчетверо. Он не видел его раньше.

«Если ты слышишь — значит, стена тоньше, чем я думала. Железка держит, но не вечно. Металл ржавеет, камень забывается. Если услышишь снова — не иди. Не открывай. Пришли Митрия, если жив. Митрий знает. Он заварит. Но сам не ходи. Ты — дыра, Глебушка. Дыра — это не плохо. Дыра — это окно. Но окно можно закрыть. Не открывай.

Если совсем невтерпеж — страница сорок семь, третий абзац. Прочитай вслух. Один раз. Только один. И ложись спать. Утром позови Митрия.

Я люблю тебя. Бабушка».

Глеб перечитал. Посмотрел на страницу сорок семь. Не открыл. Сложил лист, убрал в книгу. Поставил на полку.

За окном шел снег. Крупный, мокрый, московский. Обычный снег. Обычный мир.

И тишина. В которой — присутствие.

Он не открыл.

Еще через год, в июле, Глеб выбрался на Оку. Не к острову — на турбазу. Палатка, друзья, костер, гитара, комары, водка, бесконечные разговоры.

Ночью, когда лагерь затих, он ушел к воде. Ока — широкая, спокойная, залитая лунным светом. Не черное озеро, не трясина. Живая, теплая река.

В воде вспыхнул свет. Не лунный. Мягкий, как от свечи. Свет пульсировал глубоко под поверхностью и двигался к берегу. Глеб замер. В сиянии проступило лицо. Не бабушкино. Молодое, мужское, с открытым, ясным взглядом. Лицо смотрело на него — и улыбнулось.

Потом улыбка изменилась. Губы, тонкая линия, разошлись шире, чем у живого человека. Глаза, ясные секунду назад, стали пустыми — не темными, а именно пустыми, как два отверстия, через которые свет уходил не наружу, а внутрь. Лицо приближалось.

Глеб отпрянул. Нога соскользнула с мокрого бревна. Он упал на спину, в траву, и на секунду свет погас — тело инстинктивно отвернулось, и лицо осталось в воде.

Он встал. Не оглядываясь, пошел к палаткам. Сердце колотилось в горле. Руки дрожали. Он залез в спальный мешок и не спал до утра.

Утром, на солнце, среди людей, он почти забыл. Почти. Днем купался, греб, разжигал костер, смеялся. Но когда стемнело — не пошел к воде. И не пошел на следующий день.

В Москве он нашел антикварную лавку на Тверской. Зашел — незачем, просто зашел. Увидел дореволюционную копейку с двуглавым орлом. Купил. Повесил на простом шнурке под рубашку.

Стало спокойнее. Не потому, что монета защищала — он не верил в защиту. А потому, что монета была медная, теплая от тела, тяжелая. Как камень. Только — маленькая, карманная. Стена, которую он мог носить с собой.

Зимой, когда выпадал первый снег, он садился у окна, доставал синюю книгу и открывал наугад. Каждый раз находил что-то новое: обряд, запись, слово. Как будто книга — не книга, а стена с его стороны. Тонкая. И если читать долго, внимательно, тихо — можно услышать.

Тишину.

И в тишине — присутствие.

Не страшное. Не зовущее. Просто — рядом.

Он улыбался. Бабушка была права: стена — не добро и не зло. Стена — это дверь. Дверь закрывается, но не исчезает. И за ней — ждут. Терпеливо. Не жадно.

Просто — ждут.

Но лицо на Оке — он помнил и его. И знал, что если однажды позовут так, что не сможет не ответить, — лицо вернется. Не бабушкино. Другое. Того, кто не ждал чая.

Он не открывал. Пока.

Эпилог

Трягин остров замер в черном озере, посреди леса и болот. Сосны по краям стоят черными копьями. Дом с синими ставнями пуст, но цел. Степанида исчезла. Митрий, если жив, все так же правит лодкой, если есть кому.

Камень в трясине хранит тепло. На нем лежит ржавая железка, скрывающая невидимый знак — круг с крестом. Монеты ушли вглубь камня, поглощенные им. Свеча давно сгорела, но воск впитался в гранит. И в теплые ночи от камня пахнет медом.

Стена замкнута. Тишина царит по обе стороны. Навь за стеной, мир перед ней. А между ними камень. Теплый, как живое тело.

Если добраться до острова, переплыть озеро, пройти по мостику и положить ладонь на железку, можно почувствовать пульс. Тонкий, медленный, бьющийся не у живого и не у мертвого, а у того, что посередине.

Если замолчать, можно услышать.

Не слова.

Присутствие.

Терпеливое.

Ждущее.

Как гости, которым обещали чай.

Они знают: хозяйка ушла. Но дверь есть.

И дверь ждет.

Записано со слов Глеба Кузьмина, инженера, жителя г. Москвы. Синяя рукопись хранится в семейном архиве. Остров Трягин на картах не обозначен. Паромщик Митрий по состоянию на 2024 год не выходил на связь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.